

УДК 94(575.2):340.141

**О ПРИСЯГЕ КОЧЕВНИКОВ В СУДАХ ТУРКЕСТАНА (1865–1917 гг.)
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматривается проблема использования института присяги в судопроизводстве по обычному праву (адату) кочевых народов царистского Туркестана. Отмечаются как позитивные, так и негативные стороны ее применения в судах биев региона.

Ключевые слова: кочевники; Туркестан; нормативно-правовые акты; обычное право (адат); присяга; суды биев; лжесвидетельство; кыргызы; казахи.

**ABOUT NOMADS' JURATION IN THE TURKESTAN COURTS (1865–1917)
(ON THE BASIS OF ARCHIVE, JURIDICAL AND OTHER MATERIALS)**

A.L. Saliev

The problem of use of juration institute in juridical proceedings in accordance with customary law (adat) of the Tsarist Turkestan Nomadic peoples is considered in the article. The advantages and disadvantages of this practice in the regional biy courts are specified.

Key words: nomads; Turkestan; legislative instruments; customary law (adat); the juration; biy courts; perjured evidence; the Kyrgyz; the Kazakhs.

Институт присяги в обычном праве кочевых народов Туркестана существовал издревле. Историк кыргызского обычного права (адата) С.К. Кожоналиев писал о том, что в дороссийский период в кыргызских судах биев широко применялась присяга (“ант беруу”)¹. В известном кыргызском эпосе “Манас”, во многих иных выдающихся произведениях кочевого фольклора отношение номадов Центральной Азии к судебной присяге всегда было серьезным и предельно ответственным. Тому можно привести немало свидетельств. Так, например, видный туркестанский чиновник, помощник военного губернатора Сыр-дарьинской области, полковник Н. Дингельштедт писал в 1896 г. о том, что “киргизы высоко почитают присягу и случаев лжесвидетельства под присягой почти неизвестно между ними”². Известный специалист по судебным вопросам Туркестанского края и “степных”

областей И.И. Крафт указывал в 1898 г., что “назначение присяги основано на том, что всякое событие в Степи, хотя и совершенное без посторонних свидетелей, получает широкую огласку, так как в нем заинтересована масса лиц”³. Капитан А. Давлетшин, командированный военным министерством в 1900 г. в Туркестан для проверки деятельности народных судов в регионе, свидетельствовал в своем отчете о том, что “кочевники часто обращаются в суде к присяге, однако все же видно, что они очень суеверно к ней относятся и нередко отказываются присягать, заявляя, что это – “джан бермек” – вроде как “отдать душу”⁴. Дореволюционный правовед М. Готовицкий в 1885 г. писал, что в последнее время участились случаи отказа кочевников от принесения присяги в народных судах Туркестанского края. Он усмат-

¹ Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право киргизов до Октябрьской революции (1850–1917 гг.) / С.К. Кожоналиев. Алма-Ата, 1967. С. 7.

² Дингельштедт Н. Мусульманская присяга и клятва / Н. Дингельштедт // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 4. С. 154.

³ Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях / И.И. Крафт. Оренбург, 1898. С. 101.

⁴ Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901. С. 50.

ривал в этом глубокие исторические причины, указывая, что отказ от принесения судебной присяги – это не плохой признак, а, напротив, хороший, поскольку он свидетельствовал о нравственности кочевников, не желающих брать греха на душу ложной присягой. Готовицкий писал о том, что киргизы не зря говорят: “джан беремен” (“Я отдаю душу”), давая понять, что они относятся к присяге серьезно¹. По словам А. Давлетшина, “по обычаю киргиз присяга требуется всегда от обвиняемого, а не от потерпевшего, как у туркмен”². 22 июня 1903 г. начальник Закаспийской области, командующий 2-м Туркестанским армейским корпусом, генерал-лейтенант Е.Л. Уссаковский писал в рапорте начальнику Главного штаба В.В. Сахарову о том, что “до сих народ свято смотрит на присягу и ее незыблемость. Благодаря ей почти никогда не остается необнаруженным преступное деяние, не скрывается ни один преступник и не останутся невыясненными подробности дела, необходимые для правильного его разрешения, *чего не могут достигнуть и наши общице суды* (курс. наш – А.С.). Присяга великое дело в глазах народа, надо ею дорожить и не умалять ее значения”³. Известный дореволюционный юрист А. Зуев писал в 1907 г. о том, что кочевники всегда относились с боязнью к присяге, считая, что присягать в суде – это значит “джан бермек”, то есть “отдать душу” и потому соглашались “уплатить половину иска, чтобы только не присягать”. Такая плата называлась: “джан садагасы” – “выкуп души”. Зуев писал о том, что кочевники говорили: “джаман бий жанга салар”, то есть “плох тот судья, который решает дело только присягой”⁴. Подобных свидетельств о позитивном значении присяги в судопроизводстве по кочевому обычному праву (адату) в царистском Туркестане можно привести немало, однако, на наш взгляд, достаточно и вышеприведенных для того, чтобы не сомневаться в важности роли присяги в судах

биев этого региона. Но были и иные мнения по поводу использования института присяги в кочевом судопроизводстве народов Центральной Азии. При этом мы считаем нужным уточнить, что они появились после того, как в кочевых судах биев была введена присяга на Коране. М. Готовицкий, на которого мы ссылались выше, полагал, что русские власти были неправы, заставляя кочевников присягать на Коране, так как они “слабы” в мусульманской вере. Он рекомендовал не “нажимать” на кочевников в деле принесения присяги в судах с тем, чтобы не превратить ее потом в лжесвидетельство⁵. Упомянутый нами выше Н. Дингельштедт считал, что русская власть должна была всемерно препятствовать шариатизации кочевого суда биев, запретить кочевникам в своих судах приносить присягу на Коране, так как “обычная киргизская присяга никакого сходства с присягой по Корану никогда не имела и не имеет”⁶. Капитан А. Давлетшин писал в своем отчете о том, что в кочевых народных судах Копальского уезда, Семиреченской области “весьма много дел, прекращенных за принятием ответчиками (обвиняемыми) очистительной присяги... по видимому, киргизы Копальского уезда относятся к этому обряду более легко, чем туземцы других местностей и не задумываются присягать и по ничтожным причинам”⁷. Правовед И.В. Аничков писал о том, что “лжесвидетельства под присягой между киргизами почти поголовны”⁸. Юрист А. Герасимовский отмечал, что среди “туземцев” Туркестана “лжесвидетельство и лжеприсяга вообще не считаются позорным делом... лжесвидетели заранее сговариваются с народными судьями, лжеприсягают, их дело выигрывается, а потом они делят с судьями полученный “барыш””. Руководитель правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг., сенатор К.К. Пален в своем “всеподданнейшем” отчете писал о том, что под влиянием новых порядков, связанных с российским

¹ Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз / М. Готовицкий // Юридический вестник. 1885, № 5 (май). С. 190.

² Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901. С. 50.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3095. По прошению киргиз Мангышлакского уезда Итубая Самалькова, Ханджигита Исениязова и других об отмене решения Чрезвычайного съезда народных судей об их драке. Л. 18-18 об.

⁴ Зуев А. Киргизский народный суд / А. Зуев // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 162.

⁵ Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз / М. Готовицкий // Юридический вестник. 1885. № 5 (май). С. 193.

⁶ Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане / Н. Дингельштедт. Б.м., 1892. С. 72.

⁷ Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901. С. 74.

⁸ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом / И.В. Аничков. Ташкент, 1899. С. 35.

⁹ Герасимовский А. Предварительное следствие и суд в Туркестане / А. Герасимовский // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 5. С. 171.

присутствием в Туркестане, ломкой традиционного быта, под воздействием “пришлой” цивилизации с ее железными дорогами и проч., наплывом “бродяг” и т. п., появилось много лиц, готовых за плату присягнуть за что и кого угодно. Таких присягателей звали “матагами” и поэтому даже порядочный и честный кочевник боится приносить присягу даже за правое дело¹. К тому же влияло и “родовое чувство” – не присягать, когда дело касается своего сородича, или присягать за своего, хотя знаешь, что он виновен, но надо возводить вину на чужого². Одновременно с Паленом известный российский юрист, барон Б.Н. Дельви́г, писал в 1910 г. о том, что он как прокурор “лично при сотнях дел, прошедших через руки прокурорского надзора, в целях опротестования по статье 218-й Туркестанского Положения, не пришлось видеть ни одного дела, которое было бы решено без присяги”³. Он отмечал, что такое положение объясняется широким распространением “ложного присягательства” в кочевых судах, так как “близкие родичи связаны не только тесными узами с обвиняемым, но обыкновенно и являются участниками совершенного им преступления”⁴. Признавали обстоятельства такого рода и советские правоведы республик Средней Азии и Казахстана. Так, например, известный казахский историк государства и права М. Сапаргалиев писал о том, что “массовое применение присяги по Корану в суде биев и казиев порождало увеличение лжеприсягательств и лжесвидетельств, справедливо вызывавших отрицательное отношение к ней со стороны казахов”⁵. В постсоветской историографии государств Центральной Азии вопрос об использовании присяги пока не нашел сколько-нибудь научно значимой рефлексии.

Деятельность народных судов кочевого населения Туркестана в рассматриваемый нами период не регулировалась общегосударственным

¹ Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края / Пален. СПб., 1910. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Дельви́г Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельви́г // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 129.

⁴ Дельви́г Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельви́г // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 130.

⁵ Сапаргалиев М. Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана / М. Сапаргалиев. Алма-Ата, 1971. С. 71.

законодательством, но принимались отдельные (региональные) правительственные “положения”. Не все из них получали “высочайшее” (царское) утверждение и приобретали статус полноценных законодательных актов, хотя и действовали наравне с ними. Например, проект “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях” 1867 г. не получил законодательного утверждения из-за сопротивления двух министерств – финансов и юстиции, однако 4 июля 1867 г. царь лично надписал на “Журнале Комитета министров”: “Исполнить”⁶. В итоге, проект действовал в полной мере до 1 января 1887 г., когда в административный оборот было введено новое “Туркестанское положение” 1886 года. В разделе 4 (“Народный суд у киргизов) проекта 1867 г. ни в одном из параграфов этой части документа об институте присяги в кочевом судопроизводстве даже не упоминалось⁷. Не содержалось ни слова о ней и в “Степном положении” 21 октября 1868 года⁸. То же самое можно сказать и о “Туркестанском положении” 1886 г.⁹ Наконец, “Степное положение” 25 марта 1891 г. также полностью игнорировало вопрос о присяге в народных судах кочевого населения¹⁰. Таким образом, ни в одном из правительственных документов, регулирующих деятельность судов, основанных на обычном праве (адате) кочевого населения Туркестана не было никаких указаний относительно применения присяги в процессе судопроизводства. Было лишь замечание о том, что судопроизводство у номадов Средней

⁶ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. Б.с.

⁷ См.: Там же, §§ 181–213. С. 29–33.

⁸ См.: Именной, данный Сенату, распубликованный 4 ноября – “О преобразовании управления Киргизскими Степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими Казачьими Войсками”. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2. 1868 год. СПб., 1873. № 46380; “Степное положение” 1868 г. полностью называлось: “Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях” – прим. авт.

⁹ Полностью называлось: “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344 – прим. авт.

¹⁰ Полностью называлось: “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской” // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1. 1891. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

Азии и Казахстана должно основываться на “народных обычаях”.

Историк обычного права (адата) кочевников Туркестана Г.Б. Шакаев писал о том, что “обычное право отличало отдельные виды и категории судебной присяги: а) очистительная присяга, принимавшаяся обвиняемым, ответчиком лично, либо лицом посторонним, влиятельным; б) предварительно-доказательная, принимавшаяся ответчиком или его родом в доказательство неправомерности иска, претензии, когда нет прямых улик по делу; в) к особой категории присяги относилась “свидетельская присяга”, которую приносили простые общинники, без авторитета, показания которых считались неполноценными”¹. Такого рода присяга свидетельствовала о наличии достаточно очевидного классового (имущественного) расслоения в кочевых сообществах народов Центральной Азии. Видные казахские историки обычного права указывали на то, что институт присяги применялся и тогда, когда по делу не хватало свидетельских показаний и доказательств. В таком случае истец выбирал лиц для присяги среди свидетелей ответчика, а ответчик (обвиняемый) выбирал для принесения присяги лиц из числа свидетелей истца. Если свидетелей по делу (разбой, тайное похищение и т. п.) не было, то суд применял институт присяги. Однако ни истец, ни ответчик (обвиняемый) сами не присягали. За них это должны были делать другие лица².

В рассматриваемый нами период присягу должны были приносить при вступлении в должность и сами кочевые судьи – бии. При царизме среди мусульманского коренного населения Центральной Азии был введен принцип выборности народных судей. Избранный народом бий должен был принести присягу, но не перед своим электоратом, а перед царскими властями. Дореволюционный специалист в сфере деятельности народных судов и местного (т. н. “туземного”) самоуправления в “степных” областях Туркестана М.Д. Яковлев писал о том, что “народные судьи и их кандидаты приводятся к присяге крестьянским (в Семиреченской области – уездным) начальником”³. Он

¹ Шакаев Г.Б. Процессуальное право казахов второй половины XIX – начала XX веков / Г.Б. Шакаев. Алма-Ата, 1966. С. 20.

² Дюков Л.В. История государства и права Казахской ССР. Т. 1 / Л.В. Дюков, К.А. Жиренчин, Г.С. Сапаргалиев, А.Н. Таукелев. Алма-Ата, 1982. С. 81.

³ Яковлев М.Д. Народный суд и Степное Положение с киргизским переводом / М.Д. Яковлев. Казань, 1915. С. 2.

же приводил и “Форму присяги народного судьи”, содержащую всего 9 строк. Вступая в должность и принося присягу, народный судья – бий – обещал действовать согласно законам Российской империи, творить суд по совести, нелицеприятно, честно и т. п. Присяга завершалась словами: “Я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова Алкорана. Аминь”⁴.

В связи с ростом числа обращений кочевников в российские суды им также приходилось приносить присягу. Она произносилась на Коране и ее текст фактически совпадал с вышеприведенной нами присягой биев. Дореволюционный исследователь И.В. Аничков писал о том, что “киргизские лжесвидетельства стали обычным явлением и непременным условием каждого судебного разбирательства в русских судах”⁵ (курс. наш – А.С.). С этим мнением можно согласиться, но отчасти. Во-первых, действительно, присяга на Коране кочевниками, являвшимися, по всеобщему признанию специалистов, “слабыми” мусульманами, сохранявшими множество сильных реликтов доисламского (языческого) прошлого, не являлась для них столь священной, как для оседлого населения, в связи с чем, они и шли на ее нарушение. Во-вторых, Аничков, на наш взгляд, преувеличивал размеры лжесвидетельства nomadov Туркестана в российских судах. Более того, мы склонны утверждать, что большинство из них избегали такой присяги, поскольку они не могли не знать о том, какие наказания влечет за собой лжесвидетельство и ложная присяга. Как известно, в рассматриваемый нами период в России действовало “Уголовное уложение” 1845 г., глава 5-я которого так и называлась: “О лжеприсяге”. 258-я, 259-я 261 статьи этого Уложения предусматривали лишение прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение”⁶, удары плетью и ссылку на каторжные работы в крепостях на время от восьми до десяти лет”⁷. В 1903 г. было принято новое “Уголовное уложение”, которое так и не было реализовано в полном объеме вплоть до крушения царизма в 1917 г.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что институт присяги сложился

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Аничков И.В. Указ. соч. С. 11.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 15 августа 1845 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988. С. 231–232.

⁷ Там же. С. 232.

в кочевых судах по обычному праву (адату) номадов Туркестана издревле. Они высоко чтили судебную присягу, относились к ней предельно серьезно и ответственно. Присягу приносили также и выборные народные судьи – бии. Однако ни в одном из царских правовых актов, регулировавших деятельность судопроизводства по обычному праву (адату) в Туркестане, о присяге не было никакого упоминания. Вместе с тем, царизмом была введена

в кочевое судопроизводство не соответствовавшая традиционной (доисламской, автохтонной) ментальности номадов присяга на Коране. Это породило факты лжесвидетельства и лжеприсяги кочевников как в судах биев, так и в российских судах. Но они не имели широкого распространения, поскольку царское законодательство устанавливало суровые наказания за нарушение правил действительной судебной присяги.